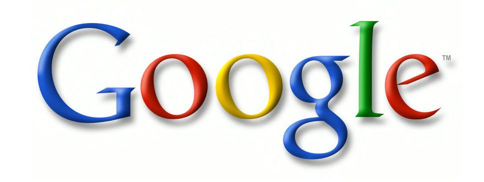

HDI
HL 1RP4 F

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS

ДѢЛО
О
СМЕРТИ КАПИТАНА
ГИЖДЕУ.

ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ

I. С. ДОБРЯНСКАГО.

(Бывшій Одесскій гор. врачъ).

С.-Петербургъ.

Паровая Скоропечатня П. О. Яблонскаго. Лештуковъ пер., д. № 13.

1890.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 31 Января 1890 г.

Дѣло о смерти капитана Гиждеу.

Четыре года прошло послѣ приговора Одесскаго окружнаго суда, которымъ лакей Повальскій признанъ былъ виновнымъ въ убійствѣ капитана Гиждеу. Не смотря на то, что законъ предоставляетъ приговореннымъ право, въ случаѣ ихъ недовольства приговоромъ суда, вносить кассаціонную жалобу въ Сенатъ, ни Повальскій, ни защита, ни одинъ изъ тѣхъ гуманитаровъ, которые не только по всѣмъ переулкамъ, но и въ общественной прессѣ кричали о невиновности Повальскаго, не воспользовались правомъ отвода. Повальскій былъ приговоренъ къ 14-лѣтнимъ каторжнымъ работамъ и сосланъ на Сахалинъ. Про его существованіе забыли, равно какъ забытъ и покойный Гиждеу, служившій со всею преданностью обществу и отечеству; одинъ прахъ въ гробу остался отъ него; нѣтъ и слѣдовъ тѣхъ пораненій, надъ которыми ломали себѣ головы эксперты, споря pro и contra самоубійства, и сходя съ пьедестала объективности врача-эксперта, какъ дающаго свое заключеніе подъ присягой по долгу совѣсти и науки, увлекались страстями и личностями и набрасывали подозрительную тѣнь на взаимные отзывы по дѣлу экспертизы. Наконецъ, съ теченіемъ времени и это затихло. Вдругъ, послѣ 4-лѣтней летаргіи, долетаетъ къ намъ изъ заграницы голосъ, который именемъ гуманитарности требуетъ возстановленія правъ напрасно пострадавшаго Повальскаго. Пользуясь своимъ авторитетомъ «профессора судебной медицины» въ Берлинѣ, Dr. Liman, въ своей брошюрѣ «Mord» o. Selbstmord. бросаетъ русскому правосудію перчатку, укоряя нѣкоторыхъ изъ экспертовъ въ невѣжествѣ, вслѣдствіе котораго пострадалъ напрасно человѣкъ, и доказывая, что капитанъ Гиждеу кончилъ самоубійствомъ—слѣдовательно, Повальскій — невиновенъ. Вслѣдъ затѣмъ, и профессоръ Кіевскаго университета Эргардъ, въ своей брошюрѣ о насильственной смерти капитана Гиждеу прямо утверждаетъ, что Гиждеу умеръ отъ самоубійства.

Mieux vaut tard que jamais—я считаю болѣе благороднымъ сознаться въ своей ошибкѣ, исправить ее и, такимъ образомъ, напрасно пострадавшаго человѣка водворить въ его общественныя права, чѣмъ съ упрямствомъ

оставаться при своемъ мнѣніи и прикрывать свои промахи. Мы должны быть только благодарны проф. Liman'у за данный намъ урокъ, предположивъ, что премиссы, т. е. акты и предварительныя свѣдѣнія всего дѣлопроизводства, которыми пользовался Liman, — вѣрны и изъ оффиціальныхъ источниковъ. (Въ своей брошюрѣ Liman говоритъ, что дѣло это онъ пишетъ по личной просьбѣ бывшаго врачебнаго Инспектора въ Одессѣ Д-ра Маровскаго, отъ котораго онъ и получилъ предварительные свѣдѣнія и акты.

Голосъ проф. Liman'а не остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; съ быстротой молніи онъ нашелъ отголосокъ не только въ прессѣ и въ обществѣ, но и достигъ до высокихъ сферъ и высокопоставленныхъ лицъ. Общество и пресса возмущены и настроены противъ экспертовъ, давшихъ свое показаніе за убійство, между которыми и моя фамилія, какъ главнаго эксперта, производившаго вскрытіе тѣла покойнаго Гиждеу, осмотръ квартиры его, наконецъ, своимъ показаніемъ въ окружномъ судѣ повліявшаго, главнымъ образомъ, на судьбу Повальскаго, упоминается не на послѣднемъ мѣстѣ въ совершенно неблагопріятномъ для меня смыслѣ, набрасывающемъ тѣнь на мое личное достоинство и знаніе, какъ врача. Какъ человѣкъ, состоявшій въ близкомъ знакомствѣ съ покойнымъ Гиждеу, какъ врачъ, производившій вскрытіе тѣла его, и экспертъ въ окружномъ судѣ, я прибѣгаю къ печатному слову, чтобъ этимъ путемъ разъяснить нѣкоторыя неясности и оформить мое мнѣніе, высказанное мною при разбирательствѣ дѣла въ окружномъ судѣ, какъ дополнительное къ моему заключенію, данному судебному слѣдователю, которое вслѣдствіе черезчуръ краткаго времени, предоставленнаго мнѣ судебнымъ слѣдователемъ (я долженъ былъ уже на второй день погребенія покойнаго Гиждеу представить судебному слѣдователю мое заключеніе), я не успѣлъ достаточно обработать. Пока я занимался тщательною разработкой всего вышеизложеннаго, я прочелъ въ № 1-мъ «Вѣстника Общественной Гигіены» работу профессора С.-Петербургской военно-медицинской академіи А. И. Таренецкаго «Дѣло о смерти капитана Гиждеу». Позволю себѣ позаимствовать изъ труда проф. Таренецкаго одно мѣсто, характеризующее нѣсколькими словами весь трудъ проф. Liman'а.

Проф. Таренецкій на стр. 2 своего труда говоритъ: «...въ брошюрѣ Liman'а мы замѣтили значительные пропуски, недомолвки, даже невѣрно переданные или совершенно опущенные факты»; я же, съ своей стороны, могу прибавить: «и ложныя подписи», доказательствомъ чего служитъ тотъ фактъ, что въ актѣ Одесскаго врачебнаго управленія, которое по дѣлу капитана Гиждеу высказалось за самоубійство и переводъ котораго предлагаетъ Liman въ своей брошюрѣ, между подписями всего присутствія и городовыхъ врачей на 3-мъ мѣстѣ значится и *моя подпись!*

Теперь для меня понятно, почему профессоръ Таренецкій, повѣривши въ этомъ случаѣ Liman'у, не имѣя подъ руками подлиннаго протокола (онъ хранится при дѣлѣ въ Одесскомъ окружномъ судѣ) и пользуясь, для изложенія всего дѣла, только протоколами и мнѣніями экспертовъ, собранными въ дѣлѣ, хранящемся при медицинскомъ совѣтѣ, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ на 2-й стр. своего труда; сдѣлалъ довольно не лестную для меня оговорку (на стр. 30 своего труда), что

«д-ръ Добрянскій (городовой врачъ) впослѣдствіи измѣнилъ, повидимому, свое мнѣніе,—по крайней мѣрѣ его подпись имѣется при мнѣнія, поданномъ медицинскимъ инспекторомъ отъ имени Одесскаго врачебнаго присутствія». Смѣю увѣрить профессора Таренецкаго, что я, какъ экспертъ, по дѣлу Гиждеу давалъ мое показаніе согласно данной присягѣ и долгу службы — по полнѣйшему моему убѣжденію, и всякіе слухи, распускаемые моими доброжелателями о томъ, что я высказалъ свое мнѣніе подъ давленіемъ кого бы то ни было, я считаю полнѣйшею клеветой! Въ виду всего этого я путемъ печати заявляю, что заключенія Одесскаго врачебнаго управленія по поводу экспертизы о смерти капитана Гиждеу я не подписывалъ, а чтобы вполнѣ убѣдиться, нѣтъ ли за меня подложной подписи подъ вышеупомянутымъ актомъ, я обратился въ Министерство Юстиціи, которое вытребовало дѣло по убійству Гиждеу изъ Одессы. Благодаря любезности чиновника изъ уголовнаго отдѣленія, я въ его присутствіи разсмотрѣлъ актъ врачебнаго управленія, но моей подписи здѣсь не нашелъ. Что подпись моя въ брошюрѣ Liman'а не случайна, а поставлена съ цѣлью,—ясно для каждаго здравомыслящаго человѣка.

Обратимся теперь къ самому дѣлу и обстоятельствамъ, при которыхъ послѣдовала смерть капитана Гиждеу. Съ этою цѣлью воспользуемся нѣкоторыми данными изъ самаго протокола по этому дѣлу.

11 Іюня 1884 г., около пяти часовъ утра, двѣ женщины, находившіяся на дворѣ дома Посохова, на Гулевой улицѣ, въ Одессѣ, замѣтили, что изъ парадцаго хода квартиры капитана Гиждеу вышелъ его лакей Повальскій, направился въ отхожее мѣсто и, вернувшись оттуда, заперъ за собою дверь. Спустя короткое время, съ того же парадцаго хода вышла женщина (какъ потомъ оказалось Королевичъ) и поспѣшно выбѣжала на улицу. Въ то время обѣ женщины (свидѣтельницы) слышали въ спальнѣ капитана Гиждеу стоны и заявили объ этомъ дворнику; разсмотрѣть, что дѣлалось на квартирѣ, имъ не удалось, такъ какъ ставни были закрыты. Дворникъ на заявленіе этихъ женщинъ первоначально не обратилъ вниманія, полагая, что капитанъ боленъ. Тотъ же дворникъ (свидѣтель) видѣлъ, какъ съ параднаго хода выбѣжалъ на улицу вѣстовой капитана—жандармъ Синеокъ, а спустя 3—4 минуты въ квартирѣ раздался выстрѣлъ, вслѣдствіе котораго дворникъ бросился къ парадному ходу; дверь оказалась запертой на замокъ; ему отворилъ лакей Повальскій, заявляя, что баринъ застрѣлился. Дворникъ вошелъ въ спальню и нашелъ капитана Гиждеу лежащимъ на кровати и еще дышащимъ. Одновременно съ дворникомъ вошелъ въ спальню и подошелъ къ кровати городовой; онъ прикрылъ обнаженное тѣло лѣтнимъ одѣяломъ и положилъ подъ простыню подштаники.

Около $6^1/_2$ часовъ утра осмотрѣлъ трупъ капитана Гиждеу врачъ Колачевскій, призванный для подачи первой помощи. Трупъ былъ уже окоченѣвшій въ слѣдующемъ положеніи: онъ лежалъ на кровати навзничь, голова покоилась на подушкѣ и была обращена лицомъ нѣсколько къ стѣнѣ; правая рука, закинутая за голову, упиралась локтемъ въ стѣну, и въ этой рукѣ былъ большой охотничій ножъ въ ножнахъ; лѣвая рука была вытянута вдоль туловища.

Осмотръ комнатъ.

Въ 9 часовъ утра, судебный слѣдователь (x), прокуроръ (xx), д-ръ Добрянскій и понятые составили актъ обстановки происшествія. Квартира капитана Гиждеу помѣщалась въ нижнемъ этажѣ; пятью окнами она выходитъ на улицу и четырмя на дворъ. Она имѣетъ два выхода, оба на дворъ; парадный ближе къ воротамъ. Квартира состоитъ изъ пяти комнатъ, кухни и двухъ переднихъ. Значеніе для настоящаго дѣла имѣютъ только комнаты, выходящія окнами или дверями на дворъ. По очереди слѣдуетъ парадная, прихожая, кабинетъ, кухня, черная передняя въ видѣ узкаго корридора и спальня. Всѣ эти комнаты имѣютъ прямое сообщеніе между собою. Въ ночь происшествія капитанъ Гиждеу спалъ въ своей спальнѣ, лакей Повальскій и Королевичъ въ кухнѣ, а вѣстовой жандармъ Синеокъ въ кабинетѣ. Въ черной передней усматривается на дверяхъ, идущихъ въ кухню и растворенныхъ во внутрь этой передней, довольно замѣтная помарка крови, шириной въ человѣческую ладонь, состоящая изъ двухъ частей: нижняя часть болѣе блѣдная, а верхняя съ болѣе яснымъ обозначеніемъ крови, обѣ части уже засохли и помѣщаются онѣ посрединѣ отъ дверной рамы. Нѣсколько ниже того пятна, на тѣхъ же дверяхъ находится слѣдъ брызгъ крови съ засохшею внизу каплею крови. Того же характера брызги крови усматриваются и въ самомъ низу этихъ дверей, равно какъ и недалеко отъ этихъ дверей на полу усматривается нѣсколько капель крови.

Въ спальнѣ, съ правой стороны, находится комодъ, на которомъ положено значительное количество недавно выстираннаго бѣлья, а также книгъ. За комодомъ слѣдуетъ, послѣ незначительнаго промежутка отъ окна, небольшой шкафикъ, а на немъ золотые часы съ цѣпочкой, серебряная табачница, пепельница съ недокуренной папиросой, щипцы для ногтей и стаканъ, наполненный до 1/4 водой. Внутри шкафика находится ночная посуда до 1/2 наполненная мочей. На подоконникѣ стоитъ графинъ неполный воды, а также романъ Чернышевскаго «Что дѣлать». Далѣе за шкафикомъ помѣщается узкая, простая кровать, а за кроватью (у ногъ кровати) корзина, на которой помѣщается выстиранное чистое бѣлье; въ углу же стоитъ нѣсколько разнаго рода штуцеровъ. Въ другомъ углу же стоитъ большой платяный шкафъ; между нимъ и выходными дверями въ спальню изъ передней стоитъ соломенный марсельскій стулъ, на которомъ развѣшаны два лѣтніе кителя. Такой же стулъ находится при кровати со стороны ногъ, на которомъ находятся сложенныя синія брюки, а тутъ же на полу ботинки и носки. На разстояніи не болѣе 3/4 аршиня на полу отъ изголовья кровати усматривается небольшой кинжалъ, остроконечный, съ одной стороны заостренный, а съ другой довольно широкимъ кантомъ, шириной въ плоскости около вершка (4 цент.), длиной же въ клинкѣ около 1/4 арш. (18 цент.) съ кривой рукояткой оленьяго рога около трехъ вершковъ. Одна сторона плоскости клинки слегка замарана кровью на разстояніи отъ самаго его острія до мѣста на вершокъ отъ рукоятки; на другой его сторонѣ кровяные слѣды едва замѣтны и доходятъ до мѣста гораздо ниже 1 1/2 вершка отъ рукоятка.

(x) 4/ут. Косовскій
(xx) А. А. Цвиклевскій
— комната, гдѣ спалъ вѣстовой

Спальня
черн. перед.
кухня
бср. пр.
парад. пр.

Кинжалъ лежалъ остріемъ по направленію къ кровати; на разстояніи полуаршина отъ него на полу у вышеописаннаго шкафика усматривается небольшой револьверъ, заряженный пятью зарядами, шестой зарядъ выстрѣленъ и содержитъ одну порожнюю гильзу въ барабанѣ, отверстіе котораго, а равно и дула самаго револьвера закопчены пороховымъ дымомъ. Револьверъ лежалъ ручкой обращенной къ шкафу, а дуломъ къ кровати. При осмотрѣ револьвера (экспертомъ) оказалось, что у верхняго края рукоятки, по продольному ея направленію, по обѣ стороны стальнаго ободка, находятся весьма незначительные слѣды красновато-бурыхъ пятенъ, остальная часть рукоятки повидимому, чиста. Пятна эти, по изслѣдованію оказались кровяныя. Револьверъ былъ англійской системы «Bulldog», имѣлъ весьма слабый спускъ; изъ него легко можно стрѣлять какъ правою, такъ и лѣвою рукой. На полу, между кинжаломъ и револьверомъ оказалось около шести капель свѣжей крови; капли эти между собою скучены, еще не засохли и довольно обильны. Въ той же комнатѣ, по направленію отъ кровати къ дверямъ, которыя идутъ къ передней, а затѣмъ къ кухнѣ, на полу усматривается около шести капель крови, отстоящихъ одна отъ другой въ зигзагообразномъ направленіи, на разстояніи болѣе или менѣе около 1/4 аршина; капли эти болѣе блѣдны, болѣе испарившіяся и, повидимому, притоптаны.

Осмотръ трупа и кровати.

Трупъ капитана Гиждеу лежитъ на узкой вышеописанной желѣзной кровати на спинѣ съ нѣсколько подавшимся направленіемъ справа налѣво, съ протянутыми вдоль нижними конечностями, изъ которыхъ правая касается лѣвой сверху. Стопа правой ноги выпачкана слегка кровью, лѣвая же нога заложена между рѣшетчатыми проволоками кровати. Правая рука согнута въ локтевомъ сгибѣ подъ прямымъ угломъ, причемъ локоть упирается въ стѣнку, а продольная часть руки упирается о лобъ. Въ окоченѣвшей кисти этой руки, нѣсколько сжатой, находится рукоятка кинжала въ ножнахъ, висящихъ на ремешкѣ, задѣтомъ на крючекъ, выгнутый изъ проволокъ рѣшетки изголовья кровати. На самомъ краѣ рукоятки этого кинжала замѣчается чуть замѣтная помарка кровью. На другомъ крючкѣ другой рѣшетки того же изголовья кровати, на длинномъ бѣломъ ремешкѣ, висятъ ножны отъ другаго кинжала, подходящія размѣромъ къ кинжалу, найденному на полу. Лѣвая рука согнута въ изгибѣ подъ прямымъ угломъ, а кисть оной протянутыми пальцами упирается о лѣвое бедро. Локоть этой руки покоится на подушкѣ, равно какъ и плечо, а также и часть поясницы. Рубашка съ малороссійскою вышивкою подобрана до половины живота, воротъ ея растегнутъ, рукава застегнуты на пуговицы. Конецъ праваго рукава слегка замаранъ кровью; лѣвый же рукавъ, начиная отъ плеча, по косому направленію къ животу, пропитанъ до локтя кровью, которая проходитъ за предѣлы локтя и покрываетъ рубашку кровью до самаго обшлага рубашки, конецъ которой (котораго?) оказывается свободнымъ отъ крови. Обѣ подушки съ лѣвой стороны сильно пропитаны кровью, которая усма-

ривается также и на простынѣ, прилегающей къ той части, гдѣ покоился локоть, а также лѣвая часть спины. Большое кровяное пятно, сильно пропитанное, находится въ самыхъ ногахъ съ правой стороны, на разстояніи не болѣе 2—3 вершковъ отъ спинки нижней части кровати, а также не болѣе какъ на вершокъ отъ самой стѣны, такъ что пятно это неправильнаго очертанія находясь почти совершенно въ правомъ углу нижней части кровати, не касается почти тѣла капитана Гиждеу. Между ногами и нѣсколько подъ ягодицами находится пятно мокроватое, окрашенное нѣсколько синимъ цвѣтомъ, происшедшимъ, повидимому, отъ мочи, а окраска произошла отъ синяго тюфяка. Тѣло капитана Гиждеу, человѣка, имѣющаго на видъ около 30 лѣтъ, блондина — выше средняго роста, весьма хорошаго тѣлосложенія и питанія. Одѣто оно только въ одну вышеописанную рубашку; на лѣвой ягодицѣ и бедрѣ кожа запачкана слегка кровью. На правой ляжкѣ усматриваются тоже легкія помарки кровью на пространствѣ, больше чѣмъ ладонь. Ладонь правой кисти замарана слегка кровью, лѣвая — чиста. По разрѣзѣ рубашки спереди лѣвая часть грудной клѣтки почти до живота, а также лѣвое плечо, ниже локтя, сверху облито свѣжею кровью, На большой грудной мышцѣ, а именно на наружномъ ея краѣ, на разстояніи 16 центим. отъ лѣваго плеча, почти подъ мышкой, находится трехъ-угольная, зіяющая рана рѣзаная, направляющаяся въ грудную полость и уголъ этой раны одинъ идетъ внизъ, а два другіе угла горизонтально и параллельно ребрамъ; длина линій этого трехъ-угольника простирается до четырехъ сантиметровъ.

На лѣвомъ вискѣ, на три центиметра отъ наружнаго края брови, находится круглое, покрытое запекшеюся кровью, величиной въ пять копѣекъ пятно, въ срединѣ коего находится воронкообразное углубленіе, величиной въ горошину, проникающее въ мозговую полость. Кругомъ этого углубленія, а равно и самаго пятна, усматривается лучеобразно пороховой налетъ, внѣдрившійся въ субстанцію кожи, и мѣстами усматриваются черныя точки внѣдрившихся зеренъ пороха. Изъ вышеописаннаго углубленія, по направленію къ лѣвой ушной раковинѣ, истекаетъ полоса крови, смѣшанная съ бѣлымъ веществомъ, повидимому, мозговымъ. Ушная раковина наполнена кровью съ мозговою жидкостью. Надъ среднею частью брови, на разстояніи двухъ сантиметровъ отъ брови, усматривается ссадина, величиной въ гороховое зерно, пергаментнаго цвѣта, съ незначительнымъ углубленіемъ; ссадина эта не проникаетъ всей толщи покрововъ кожи. Такая же ссадина, такого же цвѣта находится на наружномъ кантѣ лѣваго вѣка, длиной въ 1 сантиметръ; глаза и соединительная оболочка не повреждены. По осмотрѣ рубашки, снятой съ трупа, на лѣвомъ рукавѣ, на разстояніи трехъ вершковъ отъ рубца, укрѣпляющаго рукавъ къ плечамъ, съ верхней стороны оказывается разрѣзъ полотна, величиной своей соотвѣтствующій ширинѣ лезвія кинжала, найденнаго на полу. При осмотрѣ той же рубашки экспертами были найдены еще два незначительныхъ разрѣза на томъ же рукавѣ въ сосѣдствѣ отъ перваго разрѣза и кромѣ этого (прибавленіе судебнаго слѣдователя), было болѣе точно обозначено мѣсто большаго разрѣза — оно приходилось на верхней наружной части рукава. На простынѣ той части, гдѣ покоилась спина и ягодицы трупа, оказа-

лись слѣды крови. На верхней подушкѣ, съ лѣвой стороны, наволочка сильно пропитана кровью, нижняя же подушка тоже замарана съ лѣвой стороны кровью, но значительно меньше. Послѣ снятія подушекъ съ постели, подъ подушкой оказался небольшой кожанный кошелекъ и связка ключей. При осмотрѣ постели ничего не найдено. По отодвинутіи кровати, на стѣнѣ, въ мѣстѣ, соотвѣтствующемъ пятну крови на простынѣ, оказалась струя засохшей крови, идущая отъ уровня кровати вдоль стѣны, до самаго пола и оканчивающаяся пятномъ засохшей крови на полу. Въ другихъ комнатахъ капитана Гиждеу ничего, относящагося непосредственно къ происшествію, не найдено. Намъ остается еще выяснить нѣсколькими словами положеніе кровати, на которой найдено тѣло. Мы основываемся при этомъ на планѣ, приложенномъ къ протоколу. Кровать помѣщалась насупротивъ входныхъ дверей изъ черной передней. Правая сторона кровати была всплошную придвинута къ капитальной стѣнѣ, изголовье ея опять таки всплошную прикасалось къ наружной стѣнѣ комнаты, въ извѣстномъ разстояніи отъ единственнаго окна. Рядомъ съ ножною частью кровати помѣщалась большая корзинка съ бѣльемъ, однимъ словомъ, къ кровати можно было подойти только съ ея лѣвой стороны. Налѣво отъ изголовья кровати, передъ единственнымъ окномъ, стоялъ вышеописанный шкафикъ, а дальше, черезъ извѣстный промежутокъ, опять у той же наружной стѣны, между нею и входными изъ черной передней дверями, помѣщался комодъ.

Протоколъ вскрытія.

Вскрытіе тѣла производилось въ тотъ же день, въ 12 часовъ дня; для этого трупъ былъ перенесенъ въ столовую комнату. Вскрывали д-ра медицины Добрянскій и Колачевскій.

А. Наружный осмотръ.

Трупъ лежитъ на спинѣ съ протянутыми конечностями, причемъ лѣвая рука нѣсколько отведена наружу. Покойникъ крѣпкаго тѣлосложенія и прекраснаго питанія. Кожа на правой ступнѣ и на подошвѣ сплошь замарана слегка кровью; затѣмъ, на правой ляжкѣ усматривается легкая помарка кровью на простронствѣ нѣсколько больше ладони; ладонь правой кисти слегка помарана кровью; лѣвая часть грудной клѣтки сплошь облита свѣжею кровью, которая истекала по направленію лѣвой руки; на задней поверхности лѣваго бедра, а также въ разныхъ мѣстахъ лѣвой ягодицы находятся помарки кровью. Степень гнилости незначительпая; трупныя пятна замѣчаются на спинѣ и по бокамъ груди. Лѣвая ушная раковина наполнена кровью съ примѣсью мозговой жидкости. Языкъ не ущемленъ. Грудь хорошо развита. Въ передней части лѣвой подмышки, на наружномъ краѣ лѣвой большой грудной мышцы, на разстояніи 16 сантиметровъ отъ соотвѣтствующаго верхняго плеча, находится трехъ-угольной формы колотая рана съ зіяющими краями, направляющаяся въ грудную полость. Положеніе раны таково, что одинъ уголъ ея находится внизу, а два другіе угла лежатъ по бокамъ перваго

и нѣсколько кверху отъ него; линія, соединяющая два послѣдніе угла, имѣетъ направленіе параллельное ребрамъ, а длиной, приблизительно, въ 4 сантиметра. Подкожный жирный слой хорошо развитъ; конечности находились въ состояніи неполнаго окоченѣнія.

Кромѣ раны въ грудь, находится еще на лѣвомъ вискѣ, на 3 сант. отъ наружнаго края брови круглое покрытое запекшеюся кровью, величиной въ 5 копѣекъ, пятно, по срединѣ коего находится воронкообразное углубленіе величиной съ горошину, проникающее въ черепную полость. Кругомъ этого углубленія, а равно и самаго пятна, усматривается пороховой налетъ, лучеобразно внѣдрившійся въ толщу кожи, а мѣстами усматриваются черныя точки внѣдрившихся зеренъ пороха. Изъ вышеописаннаго углубленія, по направленію къ лѣвой ушной раковинѣ, замѣчается полоса крови, смѣшанная съ бѣлымъ веществомъ, повидимому, мозговымъ. Надъ среднею частью крови, на ростояніи 2 сантиметровъ отъ нея, усматривается ссадина, величиной въ гороховое зерно, пергаментнаго цвѣта, съ незначительнымъ углубленіемъ; ссадина эта не проникаетъ всей толщи покрововъ кожи. Такая же ссадина и такого же цвѣта находятся на наружномъ кантѣ лѣваго вѣка, длиной въ 1 сантиметръ.

В. Внутренній осмотръ.

I. Полость головная.

По взрѣзѣ кожи головы оказалось, что подчерепная кожа нормальна и никакихъ наружныхъ поврежденій не представляетъ. Степень ея соединенія съ черепомъ обыкновенная. Черепныя кости плотной консистенціи и никакихъ поврежденій не представляютъ; мѣстами онѣ приросши къ твердой мозговой оболочкѣ, пазуха которой не вполнѣ наполнена кровью. Подъ паутинною оболочкой, въ особенности съ правой ея стороны, замѣчается кровоизліяніе. Мозгъ плотной консистенціи.

Въ лѣвой височной долѣ, соотвѣтственно отверстію въ черепѣ, имѣется размозженное мѣсто, наполненное кровью и нѣсколькими осколками костей и волосами. Слѣдуя за этимъ мѣстомъ по направленію къ верхушкѣ правой затылочной извилины, находится каналъ, проходящій чрезъ все вещество мозга, въ концѣ котораго, подъ мягкою оболочкой праваго полушарія, найдена пуля, сплющенная въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Пуля эта соотвѣтствуетъ калибру найденнаго на полу у кровати револьвера. Въ основаніи черепа, а именно въ лѣвой височной кости, найдено круглое отверстіе, отвѣчающее наружному. Мозжечокъ и продолговатый мозгъ никакихъ измѣненій не представляютъ.

II. Органы шеи нормальны.

III. Полость грудная.

По вскрытіи грудныхъ покрововъ и большой грудной мышцы, съ лѣвой стороны обнаружена рана, идущая отъ вышеописанной раны наружной чрезъ толщу большой грудной мышцы, по направленію къ 3-му межреберному промежутку, гдѣ, у самаго конца костяныхъ частей реберъ имѣется проникающее отверстіе въ грудную полость, величиной въ 3 сантиметра; направленіе отверстія идетъ параллельно ребрамъ.

По снятіи грудной кости оказалось, что легкія грудную полость выпольняютъ.

По вскрытіи лѣваго мѣшка плевры оказалось, что полость его содержитъ значительное количество свернувшейся крови и что клѣтчатка заднегруднаго пространства обильно пропитана кровью.

Ткань лѣваго легкаго выполнена воздухомъ, а соотвѣтственно вышеописанному отверстію, на 3 санитиметра отъ края, имѣетъ колотую рану, проникающую черезъ всю толщу легкаго; правое легкое нормально. По извлеченіи грудныхъ органовъ оказалось, что рана идетъ позади сердечной сумки, чрезъ одну изъ легочныхъ венъ и достигаетъ передней поверхности грудной аорты въ разстояніи около 6 сант. отъ дуги ея, гдѣ имѣется отверстіе въ аортѣ, величиной въ 1 сантиметръ. По разрѣзѣ аорты, на задней стѣнкѣ ея показались, рядомъ съ вышеописаннымъ отверстіемъ, 2 небольшіе порѣза стѣнки аорты, одинъ величинай $^1/_2$ сантиметра, проникающій только чрезъ внутреннюю оболочку сосуда, другой, величиной около 1 сантиметра, проникающій чрезъ всю толщу стѣнки и отдѣленный отъ вышеописаннаго перваго отверстія лишь только тонкою полоской стѣнки аорты.

Околосердечная сумка содержитъ въ себѣ около унціи серозной жидкости. Серце нормальное; стѣнки его немного ожирѣвшія.

Органы брюшной полости, точно такъ же, какъ и органы полости таза и наружные половые, ничего ненормальнаго не представили.

Заключеніе.

Изъ протокола видно, что Гиждеу умеръ насильственною смертью. Дѣло экспертовъ доказать, было ли въ данномъ случаѣ убійство или самоубійство.

Прежде чѣмъ перейти къ разбору самого протокола, мы должны коснуться нѣкоторыхъ предварительныхъ данныхъ и выяснить сомнительныя обстоятельства передъ самою смертью капитана Гиждеу и, главнымъ образомъ, вопросъ: былъ ли капитанъ Гиждеу способенъ къ самоубійству, или, лучше сказать, не было ли, среди его родныхъ, лицъ, страдающихъ душевнымъ разстройствомъ, или же нервными наслѣдственными болѣзнями, и не было ли въ его личной жизни къ тому побуждающихъ обстоятельствъ? Что касается перваго вопроса, то хотя я и не въ состояніи съ полною достовѣрностью узнать генеалогію болѣзней его родителей и близкихъ родстьенниковъ, но на мои вопросы у лицъ, состоявшихъ въ ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ, никто не могъ указать, чтобы родители или находившіеся въ живыхъ родственники Гиждеу представляли какіе нибудь признаки нервнаго разстройства. Что же касается его самого, то, ссылаясь на предварительныя показанія свидѣтелей и будучи лично знакомъ съ нимъ почти въ теченіе года до его смерти, я долженъ положительно отвѣтить, что Гиждеу былъ человѣхъ веселаго нрава, пользовался хорошимъ служебнымъ положеніемъ, любилъ свою службу, будучи преданъ ей всею душой. Она составляла для него удо-

вольствіе, какъ онъ самъ неоднократно выражался при мнѣ. Онъ любилъ разсказывать о своей будущей блестящей карьерѣ, мечталъ о будущемъ семейномъ счастіи; былъ доволенъ тѣмъ, что разошелся съ первою женой, будучи вполнѣ обнадеженъ сочувствіемъ дѣвицы X., за которою онъ ухаживалъ и которую считалъ своею невѣстой. Никогда никакой меланхоліи, ни нервной раздражительности я въ немъ не замѣчалъ.

Собираясь ѣхать въ отпускъ, онъ, въ роковую для него ночь, въ 12 часовъ ночи распрощался съ семействомъ X., которое проживало на дачѣ «Ратнеръ», и пришелъ домой только около 3 часовъ ночи. «Гдѣ провелъ онъ промежутокъ времени отъ 12 часовъ ночи до 3 часовъ утра?» спрашиваютъ съ удивленіемъ сторонники самоубійства.

Такъ какъ судебный слѣдователь не постарался разъяснить этотъ загадочный вопросъ свидѣтельскими показаніями, то спрашивается, какъ велико разстояніе отъ дачи Ратнера до квартиры Гиждеу, и какъ отправился Гиждеу домой пѣшкомъ или на извозчикѣ? Что Гиждеу отправился домой пѣшкомъ — это понятно каждому одесситу, такъ какъ около дома Ратнера въ 12 часовъ ночи никакого извозчика найти нельзя. Въ виду этого, я полагаю, что Гиждеу пришлось идти домой пѣшкомъ (тѣмъ болѣе ночью), по крайней мѣрѣ, отъ $1^1/_2$ до 2 час.

Кромѣ того, принимая во вниманіе его усердіе къ службѣ и зная даже отъ него самого, что Гиждеу имѣлъ привычку довольно часто ходить ночью около квартиръ, въ которыхъ проживали неблагонадежные элементы, состоявшіе подъ непосредственнымъ его надзоромъ, я полагаю, весьма возможно допустить, что онъ и въ эту ночь, по всей вѣроятности, не отказался отъ своей привычки, и такимъ образомъ легко можно объяснить себѣ его позднее возвращеніе домой. Вернувшись домой, онъ раздѣлся; лакей подалъ ему книгу, зная его привычку читать на ночь, что онъ и теперь сдѣлалъ, такъ какъ мы, во время обыска, нашли около его кровати раскрытый романъ Чернышевскаго «Что дѣлать».

Сторонники самоубійства много крови портятъ себѣ заглавіемъ этой книги, указывая на ея философическое содержаніе, какъ симптомъ того, что Гиждеу носился съ мыслью о самоубійствѣ. Я, неоднократно бывшій у Гиждеу, могу сказать на это, что у него, какъ жандармскаго адъютанта, можно было найти не мало подобнаго рода книгъ, изъ числа конфискованныхъ при обыскѣ какого нибудь подозрительнаго субъекта. Задачею Гиждеу было познакомиться съ содержаніемъ такихъ книгъ, чтобы затѣмъ, по своему усмотрѣнію, или возвратить ихъ, или же поступить съ ними по закону. Къ тому же и самое заглавіе книги могло заинтересовать Гиждеу и побудить его ознакомиться съ ея содержаніемъ.

Въ протоколѣ вскрытія описаны мною двѣ раны, обѣ смертельныя, а именно: первая, колоторѣзанная въ передней части лѣвой подмышки, на наружномъ краѣ лѣвой большой грудной мышцы, и вторая — огнестрѣльная рана въ лѣвый високъ. На три сантиметра отъ наружнаго края брови находится круглое, покрытое запекшеюся кровью, пятно, величиной въ 5 копѣекъ; посрединѣ его находится воронкообразное углубленіе, величиной въ горошину, проникающее въ черепную полость. Кругомъ этого углубленія, а равно и самого пятна, усматривается пороховой налетъ, лучеобразно внѣдрившійся въ толщу кожи, а мѣстами видны черныя точки внѣдрившихся зеренъ пороха. Надъ среднею частью брови, въ 2 сантиметрахъ отъ нея, усматривается ссадина, величиной

съ гороховое зерно, пергаментнаго цвѣта, съ незначительнымъ углубленіемъ; такая же ссадина находится на наружномъ кантѣ лѣваго вѣка, длиной въ 1 сантимертъ. Кромѣ того есть, ссадина на лѣвой брови.

Въ показаніи, данномъ мною судебному слѣдователю на предварительномъ слѣдствіи, я заявилъ, что колотая рана предшествовала огнестрѣльной и что промежутокъ времени между обѣими ранами обозначенъ мною, какъ 10 минутъ. Допуская возможность послѣ первой раны дѣлать скомбинированное движеніе, хотя и съ трудомъ и болью, послѣ огнестрѣльной раны у Гиждеу должна была послѣдовать моментальная смерть не только отъ анеміи мозга, но и поврежденія для организма жизненныхъ органовъ. Ссылаясь на мѣстоположеніе колотой раны, высоко подъ мышкой, не соотвѣтствующее самоубійству, и на то обстоятельство, что кинжалъ, будучи вонзенъ подъ мышкой, могъ поранить вышеупомянутые органы только въ томъ случаѣ, когда лѣвое плечо было придвинуто къ переду; при обыкновенномъ же положеніи плеча рана принимаетъ видъ ломаной линіи, имѣющей значительно большую длину, чѣмъ самое оружіе, которымъ она нанесена; принимая все это во вниманіе, я въ данномъ случаѣ оспариваю самоубійство: оно возможно, но далеко не естественно.

При разбирательствѣ же дѣла въ окружномъ судѣ, послѣ тщательной обработки нѣкоторыхъ, до тѣхъ поръ для меня сомнительныхъ, вопросовъ, впослѣдствіи только выяснившихся вполнѣ, я вышеупомянутое мое заключеніе дополнилъ новымъ доказательствомъ, говорящимъ за убійство, и на которое до моего заявленія никто изъ экспертовъ не обращалъ вниманія. Послѣ этого всякое сомнѣніе и колебаніе было мною отвергнуто и я былъ на судѣ однимъ изъ главныхъ сторонниковъ мнѣнія о безусловномъ убійствѣ капитана Гиждеу. Вторымъ былъ д-ръ Дубовской. Со стороны защиты былъ вызванъ инспекторъ Маровскій, помощникъ его и 6 городовыхъ врачей.

На вопросъ г. предсѣдателя, не могъ ли покойный Гиждеу самъ нанести себѣ вышеописанную рану, я отвѣчалъ, что мѣстоположеніе колоторѣзанной раны, высоко подъ мышкой, на границѣ большой грудной мышцы, далеко не естественно для самоубійцы; далѣе — направленіе и длина раны, которая при всякомъ положеніи тѣла измѣняется и становится длиннѣе или короче; такъ, въ горизонтальномъ положеніи трупа «на спинѣ» каналъ имѣетъ видъ ломаной линіи и становится длиннѣе клинка кинжала, коимъ нанесена вышеописсанная рана, и только при положеніи трупа на боку, и то на правомъ, придвинувъ лѣвое плечо кпереди, линія канала раны дѣлается прямою, короче и соотвѣтствуетъ длинѣ клинка ножа, коимъ нанесена рана. При такомъ положеніи лѣвою рукой никакъ нельзя нанести себѣ такого рода рану, даже нельзя концомъ ножа попасть въ отверстіе раны; правою же рукой хотя и можно попасть въ отверстіе входное, но никакъ нельзя пройти позади околосердечной сумки и поранить аорту, т. е. никакъ невозможно попасть во всю длину раны до окончанія канала.

Что же касается огнестрѣльной раны въ лѣвый високъ, то я позволю себѣ измѣнить мое первое показаніе, что рана нанесена въ упоръ, согласно показанію всѣхъ экспертовъ, не исключая и того же медицинскаго департамента и медицинскаго совѣта.

На основаніи труда извѣстнаго профессора по судебной медицинѣ Гофмана, изложившаго свои опыты о дѣйствіи огнестрѣльныхъ снарядовъ въ своемъ «Учебникѣ по судебной медицинѣ» (переводъ Гвоздева, стр. 271), я утверждаю, что рана въ високъ не была нанесена въ упоръ. Гофманъ говоритъ: «при выстрѣлѣ въ упоръ, къ дѣйствію огнестрѣльнаго снаряда присоединяется еще непосредственное дѣйствіе образовавшихся газовъ и пороховаго пламени. Вслѣдствіе такого соединительнаго дѣйствія газовъ входное отверстіе почти безъ исключенія представляетъ потерю вещества и діаметръ его почти всегда бываетъ болѣе діаметра пули. Края какъ круглыхъ такъ, и разорванныхъ входныхъ ранъ почти всегда бываютъ болѣе или менѣе изрыты, причемъ соединительная ткань, соотвѣтственно этимъ изрытымъ частямъ, на значительной окружности является почернѣвшею отъ пороха. Дѣйствіе пороховаго пламени выражается опаленіемъ волосъ или волосковъ на ближайшей окружности. Дальнѣйшія дѣйствія пороховаго пламени выражаются почернѣніемъ въ окружности входной раны, которое зависитъ частью отъ осажденія пороховой копоти, частью отъ внѣдренія полусгорѣвшихъ порошинокъ. Копоть легко стирается, а чернота отъ крупинокъ остается. При выстрѣлѣ съ большаго разстоянія прежде всего теряется непосредственное дѣйствіе газовъ, развивающихся при взрывѣ; давленіе, оказываемое ими, прекращается уже на незначительномъ разстояніи и тѣмъ скорѣе, чѣмъ меньше былъ зарядъ пороха, слѣдовательно, при револьверѣ раньше, чѣмъ при пистолетѣ. Гофманъ при выстрѣлахъ изъ револьвера (калибръ 9 миллиметровъ) на разстояніи до 15 сантиметровъ наблюдалъ еще опаленіе волосъ, внѣдреніе же пороха на разстояніи до 40 сантиметровъ. Сравнивая опыты проф. Гофмана съ огнестрѣльною раной у Гиждеу, мы находимъ вокругъ нея пороховой налетъ, внѣдрившіяся зерна пороха, но опаленія здѣсь никакого — ни волосъ, ни лѣвой брови, что было бы непремѣнно нами замѣчено и описано, такъ какъ самыя ничтожныя помарки крови и царапины въ протоколѣ отмѣчены и описаны. Изъ всего вышеизложеннаго я прихожу къ тому заключенію, что выстрѣлъ капитану Гиждеу былъ нанесенъ на разстояніи не ближе 15 и не дальше 40 сантиметровъ,—значитъ, не въ упоръ, какъ объ этомъ до сихъ поръ говорили всѣ эксперты, и, конечно, постороннею рукой, такъ какъ Гиждеу, еслибъ хотѣлъ покончить съ собою, причинивъ себѣ сначала, какъ утверждаютъ сторонники самоубійства, колотую рану подъ мышкой, непремѣнно бы сдѣлалъ все усиліе, чтобъ выстрѣлить въ упоръ, а никакъ не дать промахъ, что на разстояніи отъ 15—40 сантиметровъ очень легко.

На второй вопросъ г. предсѣдателя, могъ ли Гиждеу послѣ первой раны говорить и даже пройти въ кухню, я отвѣтилъ, что вслѣдствіе обильнаго кровотеченія, вызваннаго пораненіемъ вышеописанныхъ органовъ и сосудовъ, на полу по направленію отъ кровати до кухни и обратно, въ случаѣ, если бы Гиждеу ходилъ въ кухню, были бы большія струи крови, не говоря уже о томъ, что въ послѣднемъ случаѣ лѣвая сторона трупа Гиждеу была бы сплошь залита кровью, что въ протоколѣ совершенно не значится. Вслѣдствіе того же кровотеченія развивалась у Гиждеу быстро анемія мозга, послѣдствіемъ коей было полуобморочное состояніе, лишившее Гиждеу возможности говорить.

Каплеобразные же слѣды крови по направленію отъ кровати Гиждеу къ кухнѣ происходятъ, по моему мнѣнію, отъ запачканныхъ кровью рукъ убійцы, который старался слѣды на полу въ кухнѣ замыть.

Въ виду всего вышеизложеннаго, считая за несомнѣнное, что выстрѣлъ въ лѣвый високъ былъ нанесенъ посторонною рукой, я съ полнѣйшею увѣренностью утверждаю, что смерть капитана Гиждеу послѣдовала отъ убійства; самоубійство же его я положительно отвергаю.

Вотъ какъ я представлялъ себѣ картину убійства капитана Гиждеу (при второмъ разбирательствѣ 26 января 1886 г.).

Утомленный длинною прогулкой съ дачи Ратнера, капитанъ Гиждеу возвратился въ 3 часа ночи домой. Онъ приказываетъ своему лакею Повальскому раздѣть его, укладываетъ свой кошелекъ и книги подъ подушку, а револьверъ на комодъ, и совершенно спокойно ложится въ кровать (по крайней мѣрѣ, даже Повальскій въ своемъ показаніи не упоминаетъ, чтобы онъ замѣтилъ какую-нибудь взволнованность и ненормальность у капитана). Лакей Повальскій, зная привычку капитана читать передъ сномъ, приноситъ ему книгу и уходитъ, затворивъ за собой двери, ведущіи черезъ черный ходъ въ кухню. Вскорѣ послѣ того капитанъ заснулъ глубокимъ сномъ, лежа на правомъ боку, съ лицомъ, обращеннымъ къ стѣнѣ, а спиной—къ свободному краю кровати; лѣвая рука согнута въ локтевомъ сочлененіи, а лѣвое плечо совершенно придвинуто къ передней части туловища. Въ это время убійца, спрятанный въ прилегающей съ правой стороны комнатѣ, дверь которой въ спальню была открыта (ставни же во всѣхъ комнатахъ были заперты), дождавшись, наконецъ, удобнаго момента, когда капитанъ заснулъ, тихо подкрадывается къ кровати Гиждеу, беретъ его кинжалъ и наноситъ ему ударъ въ лѣвый бокъ сверху внизъ. Не успѣлъ еще убійца вынуть кинжалъ изъ смертоносной раны, какъ Гиждеу, проснувшись отъ удара, подъ впечатлѣніемъ боли, испуга, быстро приподнимается, дѣлая при этомъ поворотъ влѣво, и этимъ движеніемъ вторично самъ натыкается на кинжалъ убійцы. Такимъ образомъ и произошла вышеописанная форма раны и порѣзы на аортѣ. Убійца, испуганный, бросаетъ ножъ на полъ и быстро скрывается въ дверь, ведущую черезъ черный ходъ прямо въ кухню, оставляя за собою слѣды крови на полу и помарки на дверяхъ ведущихъ въ кухню. Гиждеу приподнимается на кровати, стонетъ, сгибаясь отъ боли, склоняется къ ножной части кровати, причемъ ударяется головой о спинку кровати, вслѣдствіи чего и произошла вышеописанная ссадина. Убійца, увѣренный въ успѣхѣ своего удара, предварительно умывшись, разбудилъ, согласно задуманному плану, вѣстоваго жандарма Синеокъ и объявилъ ему про самоубійство барина. Войдя вмѣстѣ съ вѣстовымъ въ комнату Гиждеу, убійца съ ужасомъ видитъ свою жертву еще живою и сидящею на кровати, но въ полуобморочномъ состояніи вслѣдствіе обильнаго кровотеченія, чѣмъ и объясняется молчаніе Гиждеу на вопросы вѣстоваго. Боясь, чтобы Гиждеу, очнувшись, не выдалъ его, убійца отсылаетъ вѣстоваго умышленно за помощью и для объявленія о всемъ происшедшемъ въ жандармское управленіе, хотя то-же могъ выполнить каждый посторонній человѣкъ.

Самъ же, боясь быть захваченнымъ новымъ какимъ-нибудь свидѣтелемъ, который могъ бы еще отъ живаго Гиждеу узнать происшедшее,

хватаетъ лежащій на комодѣ револьверъ съ цѣлью выстрѣломъ изъ него покончить съ своею жертвой. Гиждеу замѣчаетъ движеніе убійцы и, напрягая послѣднія силы съ цѣлью самозащиты, хватается правою рукой за рукоятку тутъ же висѣвшаго другаго кинжала; но быстрая анемія мозга вслѣдствіе обильнаго кровотеченія изъ колото-рѣзанной раны на столько ослабила его силы, что онъ уже не въ состояніи вытащить кинжалъ изъ ноженъ. Между тѣмъ, убійца производитъ выстрѣлъ въ лѣвый високъ Гиждеу, вслѣдствіе чего послѣдовала моментальная смерть именно въ томъ положеніи, въ какомъ мы нашли трупъ, т. е. лежащимъ навзничь, причемъ въ кисти правой руки, нѣсколько сжатой, остается рукоятка кинжала въ ножнахъ, висящихъ на ремешкѣ, задѣтомъ за крючекъ, выгнутый изъ проволокъ рѣшетки изголовья кровати.

– 17a. –30

